

ЗАЙЛЕР Г.

ИНВАРИАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ: ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

1. Введение. В настоящей статье я собираюсь охарактеризовать некоторые черты той модели анализа языковых универсалий, которая предложена автором этих строк и исследовательской группой УНИТИП («Языковые универсалии и типология») Кёльнского университета. Ключевыми понятиями модели являются *функция*, *инвариантность* и *вариативность*. Два последних понятия находятся в отношении взаимной дополнительности: *инвариантность* мыслима лишь тогда, когда имеет место *вариативность*, и наоборот. *Функции* соотносима с комплексом *инвариантности/вариативности* двояким образом: 1) «функция» может обозначать некий класс выражений в логической модели грамматики, 2) «функция» может использоваться при телеономическом анализе функционирования естественного языка. Отношения между тремя упомянутыми понятиями будут подробнее разъяснены ниже.

Полную характеристику модели невозможно представить в рамках сравнительно небольшой статьи. Поэтому читатель может быть отослан к обширному корпусу публикаций, подготовленных исследовательской группой УНИТИП¹. Основные печатные органы группы: 1) *akup* = Arbeiten des Kölner Universalienprojekts. Hrsg. von Seiler H. Köln, Institut für Sprachwissenschaft (к настоящему времени опубликовано 63 номера); 2) *LUS* = Language Universals Series. Ed. by Seiler H. Tübingen: Gunter Narr Verlag (опубликовано 5 томов, том I в трех частях) и 3) *Continuum. Schriftenreihe zur Linguistik*. Hrsg. von Seiler H. Tübingen: Gunter Narr Verlag (опубликовано 4 тома).

Библиография публикаций УНИТИП до июня 1983 г. содержится в [1]. Последнее по времени подробное описание модели и связанной с ней теории можно найти в [2].

Вначале я дам общий обзор параметрической (dimensional) модели. Затем остановлюсь на том, как в модели отражен один частный параметр, а именно **ДЕТЕРМИНАЦИЯ**. В конце статьи я займусь оценкой отношения между *функцией* и комплексом «*инварианты/вариативность*».

2. Обзор модели. Вопросом первостепенной важности мне представляется постановка задач. Зачем заниматься исследованием языковых универсалий и типологией? Что мы хотим объяснить? Неоспоримый факт заключается в том, что хотя языки в огромной степени различаются, они имеют и нечто общее; в противном случае они не могли бы называться «языками». Вполне очевидно, что в языках имеется определенное единство, как бы смутно мы его ни ощущали и независимо от характера причин (научных, практических, нравственных и т. д.), благодаря которым оно

¹ Группа существует на базе Института языкознания Кёльнского университета, и ее деятельность обеспечивается Немецким исследовательским обществом («Deutsche Forschungsgemeinschaft»), которому я пользуюсь случаем выразить признательность.

существует. Однако то, что мы хотим объяснить, не является ни различием, ни единством: мы рассматриваем и то, и другое как изначально данное. То, что мы хотим объяснить,— это феномен сопоставимости языков, переводимости с одного языка на другой, возможности овладения любым языком, изменения языков. Во всех этих случаях говорящие интуитивно отыскивают путь от различия к единству и вновь к различию, а это в высшей степени примечательная особенность, которая заслуживает места в нашем сознании. В общем виде наша основная цель заключается в том, чтобы объяснить тот способ, с помощью которого специфические факты конкретных языков связываются с единым понятием Языка.

Исключительную важность приобретает понятие процесса, в отличие от понимания языка как «формального» или «абстрактного объекта», как предлагают некоторые трансформационалисты, иными словами, как вещи. Это можно продемонстрировать на примере перевода, в котором процессуальная природа языка, быть может, наиболее очевидна. Нам известен вход и выход, но что происходит посередине? Вот некоторая последовательность моделей, представляющих этот процесс, в порядке возрастающей сложности.

Модель 1, предложенная пятилетним ребенком в рамках серии экспериментов, проведенных бывшими сотрудниками Ж. Пиаже, в которых детей от четырех до девяти лет просили объяснить роль переводчика и связанного с ним процесса [3]. Ответ ребенка сводился к следующему: переводчик занимается обучением. Он должен научить каждого из одноязычных участников беседы языку другого, после чего они смогут достичь взаимного понимания. Сам процесс перехода с одного языка на другой здесь практически не затронут.

Модель 2 принадлежит старому греческому крестьянину, с которым я имел случай поболтать в поезде, едущем из Пиргоса в Олимпию. Я сообщил ему, что я швейцарец и занимаюсь преподаванием в ФРГ. В конце нашего разговора он заметил: «Я рад, что в первый раз в жизни мне удалось поговорить по-немецки». Эта простейшая модель, можно сказать, сравнима с той, которая лежит в основе чуда Пятидесятницы: «...ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деяния Апостолов, глава 2).

Модель 3 — типичная точка зрения профана. Переводчик подбирает слова и конструкции переводящего языка таким образом, что их значение соответствует значению слов и конструкций языка оригинала. Это оставляет в тени самую важную часть процесса: в языках различны не только оболочки слов, но и их значения не накладываются друг на друга. Чтобы все-таки получить приблизительный эквивалент, нам нужна основа для сравнения, *tertium comparationis*.

Модель 4 выдвинута некоторыми специалистами в области семантики. *Tertium comparationis* — это то, что должно быть выражено в языке независимо от того или иного конкретного языка, т. е. концептуально-когнитивное содержание («das Gemeintes») [4]. Переводчик переходит от звуковых последовательностей и смыслов языка оригинала вначале к концептуально-когнитивному содержанию X, принадлежащему к основе сравнения, а затем — к звуковым последовательностям и смыслам переводящего языка. Здесь также некоторые существенные стороны остаются в тени: если верно, что значения форм в различных языках не соответствуют друг другу, то откуда мы знаем, что они все же могут быть соотнесены с общим содержанием? Поэтому представляется неизбежным постулирование еще одного промежуточного уровня: уровня инвариантов.

Модель 5 предложена в рамках УНИТИП. Это не только модель перевода, но также модель универсалий и типологии.

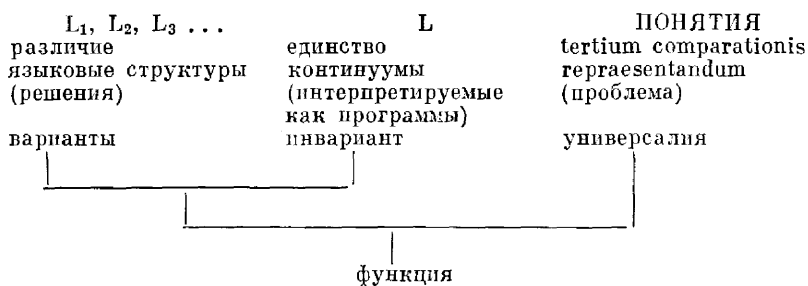

Схема 1.

Здесь наглядно представлено то, как специфические для отдельных языков факты соотносятся с инвариантом и универсалией. $L_1, L_2, L_3 \dots$ обозначают данные различных языков, в то время как L обозначает единое понятие Языка. Реконструкция этого соотношения выполняется в двух различных аспектах — дедуктивном и индуктивном. В дедуктивном аспекте мы устанавливаем в качестве *tertium comparationis* когнитивно-концептуальные единицы. Этим в сущности занимается каждый грамматист. Например, когда исследователь собирает и интерпретирует языковые данные, относящиеся к детерминации, т. е. к отношению между *determinans* и *determinatum*, он должен иметь представление о том, что собой представляет это отношение когнитивно и концептуально. Это означает, что он использует понятие детерминации. Поскольку он употребляет такое понятие при изучении любого языка, то именно понятие может считаться обладающим действительно универсальным статусом. Понятия нельзя смешивать со значениями частных языковых структур. Последние, как мы знаем, различны в отдельных языках, независимо от того, насколько они могут сближаться в конкретных случаях. Но и различие, и сходство должны обнаруживаться на одной общей основе — *tertium comparationis*.

Индуктивный аспект нашего исследования включает упорядочение данных, охватываемых одним и тем же общим понятием. В этом случае мы делаем обобщения относительно их формы и содержания и пытаемся упорядочить их в соответствии с их тождеством и различием. Важнейшим средством выполнения этой задачи является континуум, включающий шкалу отрицательно соотносенных значений. Если континуум установлен, мы можем извлечь общий функциональный знаменатель, представляющий собой инвариант, в то время как значения, занимающие различные позиции внутри континуума, являются соответствующими вариантами. Таким образом, инвариант обладает иным эпистемологическим статусом, чем универсалия: последняя принадлежит к сфере дедукции и априоризма, первый — к сфере индукции. Но значение инварианта таково, что его можно непосредственно сравнивать с универсалией.

Итак, как подчеркивалось во вводной части, понятие функции в нашей модели обладает двуликим (Janus-like) характером: с априористической, дедуктивной точки зрения функция отражает ту задачу, которая должна быть выполнена, или проблему, которая должна быть решена, в то время как разнообразные структуры, которые мы обнаруживаем в конкретных языках, представляют собой соответствующие решения.

С точки зрения индуктивного подхода функция отражает комплекс инвариантность/вариативность, соотносенный с общим когнитивным понятием.

Схема 1 обозначает целенаправленный процесс. ПОНЯТИЯ — это не только *tertium comparationis*, но также *repraesentandum* или *exprimendum*, т. е. то, что должно быть представлено или выражено средствами языка. Это представление не есть нечто само собой разумеющееся: речь идет о задаче, которая должна постоянно решаться говорящим и слушающим. Начальной ступенью процесса решения проблемы являются *repraesentanda*, конечной ступенью, т. е. выходом, результатом, — всевозможные языковые структуры в разных языках, в данном случае — структуры, имеющие отношение к детерминации. Таким образом, главная задача состоит в том, чтобы показать, как эти варианты соотносятся с инвариантом и как инвариант соответствует предполагаемой концептуализации. Наши основные положения сводятся к следующему: 1) данные, относящиеся к одному частному понятийному *repraesentandum*'у, могут быть упорядочены в континуумы в соответствии с двумя дополнительными (*complementary*) функциональными принципами; 2) последние образуют инвариант; 3) инвариант соответствует универсалии; и, наконец, 4) континуумы представляют собой программы, в соответствии с которыми носители языка отыскивают путь от разнообразия к единству.

Существенное отличие модели УНИТИП от большинства современных исследований языковых универсалий состоит в том, что мы ищем инвариант и универсалию (т. е. то, что есть во всех языках общего) не в некоторых отдельных свойствах или пучках свойств, имеющих во всех языках, но скорее в тех путях, или программах, которые используют говорящие и слушающие. Проще говоря, говорящие и слушающие на всех языках используют в конечном счете одну и ту же программу. Этот факт, если нам удастся осознать его, может иметь далеко идущие последствия в таких областях, как компьютерная техника и т. п.

3. Параметр ДЕТЕРМИНАЦИЯ. Данный вопрос рассматривался нами раньше, и некоторые из опубликованных по нему положений требуют дальнейшей разработки. Все же я решил остановиться на этом вопросе, потому что он сравнительно ясен и соответствующие факты хорошо известны.

Прежде всего следует иметь в виду, что существует предполагаемое понятие — неважно, сколь смутное — отношения между *determinans* и *determinatum*. Интуиция подсказывает, что оно должно быть связано с задачей сужения диапазона подразумеваемых объектов. «Красные яблоки» — это некоторые определенные яблоки, и «эти яблоки» — также некоторые определенные яблоки. У нас есть ощущение одновременно одинаковости и различия. Сужения сферы подразумеваемых объектов можно достичь указанием на определенные их характеристики или же с помощью дейксиса. В языках это отражается как в виде сходств, так и в виде различий. Такое положение вещей отразилось и в лингвистической терминологии. Детерминацию можно понимать как в широком смысле (так обстоит дело в европейской традиции, где под этим термином имеется в виду любой вид модификации имен), так и в узком смысле (это характерно главным образом для американской традиции, где детерминация обозначает референциальную идентификацию, осуществляемую преимущественно грамматическими средствами — с помощью таких определителей, как артикль или указательное местоимение). В нашей параметрической модели мы принимаем во внимание максимальный диапазон в соответствии с единым понятием, из которого исходим. При этом обнаружива-

ется, что закономерности, выявляемые в континууме, способны объяснить как сходства, так и различия. В самом деле, граница между детерминацией в широком и в узком смысле хорошо согласуется с расположением той поворотной точки, которую мы постулировали на основании нескольких независимых соображений.

В моей работе 1978 г., посвященной детерминации, я сосредоточил внимание на именных группах в современном литературном немецком языке, включив несколько замечаний по межъязыковому сравнению, и расширил область рассмотрения практически на все возможные «единицы», встречающиеся в составе именной группы [5]. Я приводил в известной степени искусственный пример:

(1) *alle diese meine erwähnten zehn schönen roten*
die

hölzernen Kugeln Karls auf dem Tisch, die ich dir jetzt gebe, ein Geschenk
 «все эти мои упомянутые десять красивых красных
 артикль

деревянных шариков Карла на столе, которые я сейчас даю тебе, подарок».

Отметим, что для определения относительных порядков, конечно, нет необходимости, чтобы все «единицы» были представлены в одной и той же именной группе. Заметим далее, что рассматривались только гнездовые (nested) конструкции. Если преноминальные (или постноминальные) «единицы» обозначить и пронумеровать, начиная от вершинного имени (ВИ — head noun) *Kugeln* «шарики» ($D_1, D_2, \dots$ и т. д.), то тогда D_1 относится к ВИ, D_2 к комплексу $ВИ + D_1$, D_3 — к комплексу $ВИ + D_1 + D_2$ и т. д. Нормальный порядок, наблюдаемый в (1), я изобразил на следующем рисунке: ²

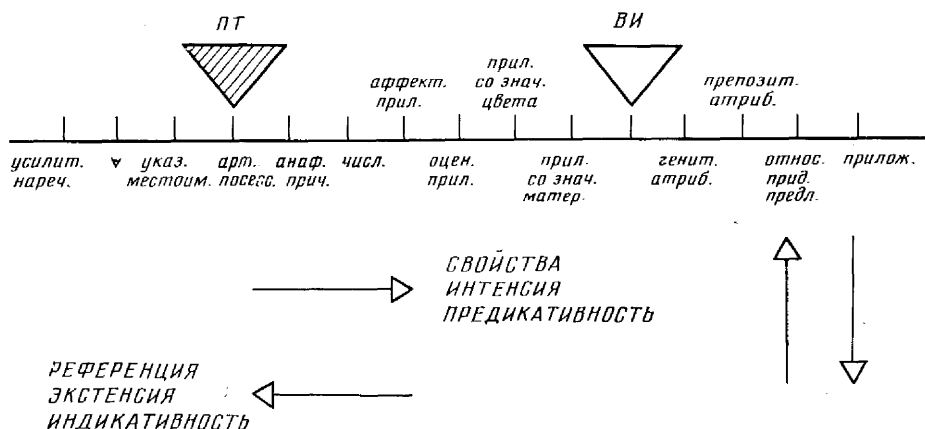

Рис. 1.

На основе экспериментов с различными порядками и с учетом параметра маркированности я предложил следующие две закономерности (R_1 состоит из двух частей):

(R_1)(i) Диапазон ВИ, к которому потенциально применим «определитель» D, возрастает с возрастанием позиционного расстояния этого «определителя» от ВИ;

² Более адекватную трактовку см. в [6].

(R₁)(ii) Способность «определителя» D к выделению обозначаемого ВИ объекта возрастает пропорционально возрастанию позиционного расстояния D от ВИ.

(R₂) «Определители» обозначают свойства, имеющие отношения к понятию, выраженному ВИ. Степень естественности такого отношения уменьшается пропорционально расстоянию D от ВИ.

Детальное обоснование последовательного, непрерывного характера R₁ и R₂ читатель может найти в моей ранней публикации [5, с. 307 и сл.]. Особенность этого параметра, отличающая его от других, изучаемых нами, заключается в том, что классы определителей, соответствующие различным позициям, могут проявляться *in praesentia*, т. е. в одной и той же синтагме при одном и том же ВИ или *determinatum*'е. Упорядочение данных, имеющих отношение к ДЕТЕРМИНАЦИИ, таким образом, иконически отображается в последовательном расположении определителей по отношению к ВИ. Как обозначено в схеме, R₁ соответствует принципу экстенсии. Этот принцип сужает референцию объекта, обозначенного ВИ, что достигается благодаря дейксису в тех случаях, где прототипической оказывается категория демонстратива. R₂ соответствует принципу интенсии. Он сужает содержание, обозначаемое ВИ, указывая на его качества, т. е. с помощью предикации. Эти закономерности и соответствующие им принципы были вначале получены на основе ограничений, накладываемых на порядок слов в преноминальной позиции. Постноминальные «единицы» обнаруживают те же принципы, хотя они слабее проявляются в определенном порядке относительно ВИ, чем в морфосинтаксических свойствах каждой из этих категорий (например, при различении рестриктивных и нерестриктивных предложений в пределах относительных предложений). Это можно обозначить двумя обращенными в разные стороны вертикальными стрелками, в противоположность двум горизонтальным в преноминальной области, которые отражают закономерности порядка слов. Для того, чтобы показать, что все единицы в схеме имеют отношение к двум противоположным закономерностям, мы вправе обозначить их единым термином «Детерминация». Всю область, в которой действуют два противоположных принципа, соответствующих R₁ и R₂, мы называем *п а р а м е т р о м* (dimension): параметр ДЕТЕРМИНАЦИЯ. В первом приближении можно следующим образом определить именную детерминацию:

Детерминация есть отношение между *determinatum*'ом и одной или несколькими *determinantia*. Эти отношения используются с целью сужения сферы возможных обозначений объектов. Сужение осуществляется в соответствии с двумя противоположными принципами: принципом индикативности (экстенсии, референции) и принципом предикативности (интенсии, свойств). Оба принципа одновременно представлены в каждой релевантной структуре, но с разной степенью доминантности (*dominance*). Структуры представляют различный выбор сужения сферы объектов и могут быть организованы в континуум, называемый параметром, в соответствии с обоими противоположно соотносеными степенями доминантности.

Отметим, что здесь ничего не говорится о конкретных способах выражения. В таких языках, как английский и немецкий, порядок слов — очень заметное средство, но это средство не является ни единственно возможным — в особенности по отношению к постноминальной части континуума, — ни предпочтительным во всех языках. Отметим далее, что здесь не дается никаких определений относительно каких-либо частных катего-

рий. Конечно, категории нужны нам для описания; однако категории подвержены варьированию и должны быть поняты в рамках континуума, а не наоборот (континуум в рамках категоризации).

Категоризация и континуальность в нашем описании не исключают, а скорее обуславливают друг друга. На рис. 2 указана главная точка отсчета, определяемая позицией ВИ. Постноминальные структуры отличаются от преноминальных тем, что они все содержат дополнительное *N* и тем самым являются более сложными. Это, в свою очередь, может привести к предположению о том, что они могут взять на себя другие функции, кроме детерминации. В преноминальной части континуума я указал переходную точку (ПТ: turning point). Это «точка развязки» (catastrophe point) (см. [7]), где изменяются сразу несколько структурных свойств. Заметим, что это не противоречит континуальности обоих признаков, которая имеет место как до, так и после ПТ. Отличия здесь главным образом следующие:

1. Определители справа от ПТ допускают позиционную вариацию, в то время как находящиеся слева не могут быть перемещены.

2. Позиции справа от ПТ могут быть релятивизованы, т. е. трансформированы в предикацию, в то время как это невозможно для позиций слева от ПТ.

В этом параметре интенциональность и экстенциональность являются частными проявлениями более общей дополнительнойности, а именно между индикативностью и предикативностью. Таким образом, мы можем сказать, что отношение ДЕТЕРМИНАЦИИ лингвистически представлено либо выделением (дейктически), либо определением и характеристизацией, т. е. предикативно. Соответственно этому дейктические определители, такие, как указательные и посессивные местоимения, находятся на одном конце континуума, а относительные придаточные предложения и приложения — на другом. При этом главное заключается в том, что промежуточные позиции обнаруживают градиентность в обратном соотношении обоих функциональных принципов: возрастание экстенциональности/индикативности скоррелировано с уменьшением интенциональности/предикативности и наоборот. Суть дела состоит в том, что оба функциональных принципа одновременно действуют во всех структурах, относящихся к ДЕТЕРМИНАЦИИ, именно это наложение и образует инвариант. Соответствующее варьирование ограничивается закономерностями R_1 и R_2 .

До сих пор речь шла о закономерностях в порядке слов; в английском языке они почти те же, что и в немецком. Во многих языках обнаруживаются сходные или аналогичные порядки, как это было показано в ряде исследований, появившихся вслед за моей ранней публикацией по этой теме.

Однако по сути та же вариация на тему детерминации с тем же инвариантом и в принципе с теми же категориальными позициями может быть представлена с помощью языковых средств, которые, на первый взгляд, не имеют отношения к порядку слов. Этот вывод мы сделали из так называемой «иерархии связывания» (bondedness hierarchy), установленной У. А. Фоли на материале филиппинских языков [8]. Здесь появление связующего элемента между determinans и determinatum распределено по языкам таким образом, что при относительных придаточных предложениях этот элемент всегда обязателен, в то время как с артиклями и дейктиками он обязателен только в тагальском и палау. Распределение в зависимости от промежуточных классов определителей вскрывает определенную шкалу. Как справедливо указал Фоли, основным принципом

является связывание, т. е. различная степень связи или слитности между различными видами определителей и ВИ. Слитность наиболее сильна в преимущественно референциальных/экстенциональных определителях, таких, как артикли и дейктики; она, так сказать, им ингерентно присуща. Поэтому они могут легко обходиться без особого связующего элемента. То же соображение дает возможность понять, почему при порядковом типе представления отношения детерминации референциональные / экстенциональные определители в большинстве языков дальше всего отстоят от ВИ: слитность здесь достаточно сильна. Напротив, слитность слабей в отношении предикативных / интенциональных определителей. Поэтому они располагаются ближе к ВИ, с которыми образуют с е м а н т и ч е с к о е единство. Фактически в этом случае речь идет о действии закона Бехагеля.

Следующий вывод, который мы делаем в результате расширения перспектив межъязыкового сравнения, заключается в том, что два противоположных градиента связаны с разными операционными подсистемами языкового поведения. Интенциональность/предикативность представлены семантико-синтаксическими явлениями. Экстенциональность содержит указания на говорящего, речевой акт и подобные явления, которые могут быть обобщены термином «прагматика». Градиенты указывают на направленность и динамику двух сил, «тянущих» в противоположные стороны, следствием чего, в свою очередь, является то, что континуумы образуют л о с с языковых изменений. Так, когда в языке возникает определенный артикль, он почти всегда восходит к указательному местоимению (романские, германские языки, греческий), а они занимают в континууме указанного параметра соседнее положение. Это сдвиг в сторону большей предикативности и меньшей индикативности. С другой стороны, неопределенные артикли часто развиваются из числительного «один», и вновь числительное и артикль обнаруживаются в нашем параметре на смежных позициях. Это, тем самым, сдвиг в сторону большей индикативности и меньшей предикативности. По синхронно-системным соображениям мы пришли к выводу, что артикль располагается на переходной точке между двумя градиентами. Это поддерживается диахроническими фактами: артикли — вообще нестойкая категория, допускающая значительное варьирование как в форме, так и в употреблении.

Мы пока еще далеки от установления межъязыкового параметра ДЕТЕРМИНАЦИИ, который охватил бы все языки. В идеале это следовало бы сделать наложением внутриязыковых параметров, что для других параметров [таких, как ПОНИМАНИЕ (APPREHENSION: представление вещей [9; 10; 2]), ОБЛАДАНИЕ [11] и ПАРТИЦИПАЦИЯ (отношение между процессом или состоянием и его участниками)] фактически уже достигнуто. Как и все они, параметр ДЕТЕМИНАЦИЯ может быть окончательно обобщен в следующем графическом представлении:

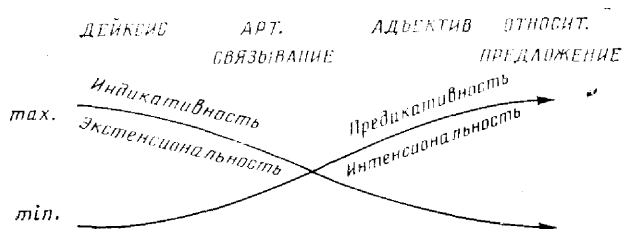

Рис. 2.

Здесь важно помнить, что позиции заполняются не отдельными категориями, такими, как «указательное местоимение», «прилагательное», но опять-таки с помощью континуумов, вернее, субконтинуумов или сочетаний субконтинуумов. В их составе некоторая частная морфосинтаксическая категория действует как прототипический вид субконтинуума (ср., например, «указательное местоимение» в субконтинууме ДЕЙКСИС). Различные типы прилагательных, учитываемые в правилах сериализации в немецком языке, также должны быть объединены в субконтинуумы. Подобным же образом и вариация именного *vs.* местоименного склонения местоименных прилагательных образует субконтинуум, предложенный для санскрита в [12]. Как ясно видно в последнем случае, те же два дополнительных принципа, действующих в пределах параметра, оказываются действующими также и в субконтинууме³.

4. Инварианты и вариативность. Вернемся к этой основной проблеме. В вопросе о существовании данного отношения внимание в основном сосредотачивалось на предметных сущностях, таких, как отдельное слово или категория с ее разнообразными значениями. Модель УНИТИП, напротив, предлагает объединять языковые структуры, значительно отличающиеся как по форме, так и по значению, в качестве вариантов одного и того же инварианта. Это вынуждает к переориентации и к перемещению центра тяжести со стативного рассмотрения отдельной морфосинтаксической категории или отношения на динамические аспекты взаимосвязи морфосинтаксически различных структур, входящих в модель целенаправленного языкового поведения. Динамика в синхронии была одной из заветных идей Р. Якобсона, как и естественное ее следствие — взаимное воздействие синхронной и диахронической динамики.

Такое расширение диапазона исследования от категориальной до операциональной инвариантности влечет за собой большую сложность аппарата критериев, необходимых для проверки или опровержения наших выводов. При этом использование категориальной базы в качестве критерия оказывается уже недостаточным для постановки вопросов типа: возникает ли нет в наших данных некоторая категория или синтаксическое отношение при таких-то исходных условиях? Вместо этого нам нужна система критериев, которые могут быть объединены под общим знаменателем

³ В некоторых языках есть основание включать в континуум особую категорию местоименных прилагательных. Один из таких языков — латинский, где эта категория маркируется смешанным склонением: местоименным в генитиве и дативе, именным в остальных падежах: *ūnus* «один», *sōlus* «единственный», *tōtus* «целый», *ullus* «некий» и т. д.

Еще заметней это в местоименных прилагательных санскрита, где смешение двух типов склонения не фиксируется по падежам, но подвержено варьированию. Категория включает такие единицы, как *śarva*-«весь», *ubha*-«оба», *itara*-«другой (из двух)», *anya*-«другой», *dakṣina*-«правый» и т. д. Б. и У. Кёльверы [12, с. 392 и сл.] обнаружили, что точное значение этих единиц следует устанавливать с помощью контекста. Это делается двумя способами. В первом случае — с учетом ситуационного контекста или прагматики; при этом местоименное прилагательное преимущественно референтно и предпочтительно местоименная форма склонения. Вторым способом опирается на содержание ВП; в этом случае местоименное прилагательное более предикативно и предпочтительно именное склонение.

Эти данные (они отличны как от закономерностей порядка слов, так и от средств связывания) обнаруживают следующие инвариантные черты:

1) Дополнительность двух функциональных принципов: индикативности *vs.* предикативности;

2) Наличие формального континуума, представленного контекстно мотивированными и формально различными предпочтениями местоименного или именного склонения.

при каждом из двух дополнительных функциональных принципов. Для всех параметров, которые нами изучались, выяснилось, что индикативность vs. предикативность оказываются двумя основными дополнительными функциональными принципами, и теперь можно предположить, что они являются составляющими инвариантности во всех языковых структурах. Объединение критериев под каждым принципом может быть изображено следующим образом [2, с. 3 и сл.]:

Индикативность	Предикативность
более слитный	мэнее слитный
более грамматикализованный	мэнее грамматика тизованный
мэнее регулярный	более регулярный
мэнее информативный	более информативный
лексический	синтаксический
более открытый для прагматики	мэнее открытый для прагматики
поддающийся немедленному опознаванию	опознаваемый постепенно

Переходная точка
 Нейтрализация
 Нестабильность
 Развязка (catastrophe)

Схема 2.

Эти критерии образуют два противоположных ряда. Речь идет не о таксономических рядах, основанных на чисто количественных соображениях, но скорее о качественных, напоминающих теорию выбора. Континуумы отражают не нормативные предписания, а предпочтения, избираемые носителями языка, не только последовательность, но и импликационную иерархию. При этом вместо одной иерархии в последовательности, ведущей откуда-то и никуда, континуумы отражают две противоположные иерархии. Оказывается, что «цена» возросшей сложности модели оказывается приемлемой, т. к. мы получаем сильные ограничения и многообещающий объяснительный потенциал.

Что касается функции, то, как уже было сказано, она носит двуликий (Janus-like) характер. В индуктивной перспективе она представляет отношение между инвариантом и вариативностью, т. е.

$$f(a) = x,$$

где f (функция) — инвариант, a (аргумент) — переменная и x (значение функции) меняются при изменении аргумента. Например, если f — ДЕТЕРМИНАЦИЯ и a — СВЯЗЫВАНИЕ, то x — конструкция с артиклем или связующим элементом. Функция во втором, телеономическом смысле есть отношение между понятием и комплексом «инвариант/вариативность». Скажем, если понятие есть «сужение сферы объектов» и комплекс инвариант/вариативность есть ДЕТЕРМИНАЦИЯ, то отношение является телеономическим, а функция состоит именно в следующем: представить в языке «суженный диапазон объектов».

Модель включает основное предположение, которое я эксплицитно высказал в начале и о котором хотел бы напомнить в конце этой статьи: когнитивно-концептуальные единицы отражают начальную ступень процесса решения задач, который лежит в основе языкового поведения. Знание этих понятий предполагается изначально, хотя это очень несовершенное и смутное знание. С другой стороны, инварианты, которые мы реконструируем, дают нам более ясное представление о признаковой структуре понятия. Например, о детерминации мы узнаем, что это есть отно-

шение, при котором *determinans* сужает сферу *determinatum* экстенсивно и интенсивно с разной степенью доминанции этих признаков.

Конечно, здесь в определенной степени допущена кругообразность. В современной лингвистической методологии, как кажется, круги признаются порочными *per se*. Я, напротив, полагаю, что круг представляет образец высокого эстетического совершенства, и, кроме того, модель определенного типа движения, а не неподвижную фигуру. Рассматривая нечто в движении, можно оказаться и в круге. В литературоведении это называют герменевтическим кругом; думаю, что то же применимо и к изучению языка. Конечно, в ходе исследования мы никогда не выходим из абсолютного нуля. Скорее, мы делаем некоторые предположения и на их основе обнаруживаем закономерности, которые *in pace* уже содержатся в наших предпосылках. Это в сущности означает, что мы должны считаться с тем фактом, что язык является одновременно объектом и средством описания и что человек является и субъектом, и объектом своих поисков сущности языка.

Перевел с английского *Тестелец Я. Г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Language invariants and mental operations: Proceedings of the International interdisciplinary Conference held at Gummersbach, Cologne, Germany, September 18—22, 1983 (=Language universals series, 5.) / Ed. by Seiler H., Brettschneider G. Tübingen, 1985.
2. Seiler H. APPREHENSION: language, object and order. Pt. III: The universal dimension of APPREHENSION. (=Language universals series, 1 / III.). Tübingen, 1986.
3. Sinclair H. et al. Constructivisme et psycholinguistique génétique // Archives de psychologie. 1985. 53.
4. Koschmieder E. Das Gemeinte // Lexis. 1953.3.
5. Seiler H. Determination: A functional dimension for interlanguage comparison // // Language universals: Papers from the conference held at Gummersbach, Cologne, Germany, October 3—8. 1976 (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 111.) / Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978. P. 307 ff.
6. Seiler H. Kategorien als fokale Instanzen von Kontinua: gezeigt am Beispiel der nominalen Determination // Grammatische Kategorien. Funktion und Geschichte: Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, 20—25. Februar, 1983 / Hrsg. von Schlerath B., Rittner V. Wiesbaden, 1985.
7. Thom R. La double dimension de la grammaire universelle // Language universals: Papers from the Conference held at Gummersbach, Cologne, Germany, October 3—8, 1976 (=Tübinger Beiträge zur Linguistik, 111.) / Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978.
8. Foley W. A. Toward a universal typology of the noun phrase // Studies in language. 1980. 4.
9. Apprehension: Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Tl. I: Bereich und Ordnung der Phänomene (=Language universals series, 1/I.) / Hrsg. von Seiler H., Lehmann Ch. Tübingen, 1982.
10. Apprehension: Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Tl. II: Die Techniken und ihr Zusammenhang in Einzelsprachen. (=Language universals series, 1/II.) / / Hrsg. von Seiler H., Stachowiak F.-J. Tübingen, 1982.
11. Seiler H. POSSESSION as an operational dimension of language. (=Language universals series, 2). Tübingen, 1983.
12. Kölver B., Kölver U. Referenz und Charakterisierung: Zur Flexion altindischer Pronominaladjektive // Wege zur Universalienforschung: Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler. (=Tübinger Beiträge zur Linguistik, 145) / Hrsg. von Brettschneider G., Lehmann Ch. Tübingen, 1980.